

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КОНТРАБАНДЫ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ (СТ. 200.1 УК РФ)

Аннотация. Важной и одновременно сложной сферой государственной политики является борьба с преступностью. От правильно выбранного направления уголовной политики зависит успешное достижение позитивного результата в борьбе с преступностью. Внутренняя уголовная политика любого правового государства нацелена на минимизацию преступности и снижение ее до такого уровня, чтобы последствия ее абсолютного негативного влияния как можно меньше отражались на жизни общества.

События, происходящие в настоящее время на международной арене, ярко отражают реальные проблемы терроризма, который существует благодаря финансовым ресурсам, поступающим в руки организаторов различных экстремистских сообществ. Для финансирования своей террористической деятельности преступники избирают различные способы перемещения денежных средств через границы государств, в том числе, при помощи осуществления контрабанды наличных денежных средств и денежных инструментов. Контролирование денежных потоков, проходящих через государственную границу Российской Федерации, является важной составляющей ее уголовной политики. Поскольку в данной статье, по задумке вводилась законодателем для упрощения квалификации преступлений, связанных с незаконным перемещением наличных денежных средств и денежных инструментов через государственную границу Российской Федерации, следует акцентировать внимание на эффективности работы данной нормы спустя два года после ее введения, а также попытаться выявить причины отсутствия такой эффективности.

В своей статье автор с учетом специфики уголовно-правовой науки раскрывает основные элементы субъективной стороны контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Автор обращает внимание на отсутствие некоторых важных для конкретного преступного деяния факультативных признаков субъективной стороны в диспозиции ст. 200.1 УК РФ, полагая, что законодатель неверно оценивает характер и степень общественной опасности рассматриваемого преступления. В целом данная статья показывает наличие определенных проблемных вопросов, связанных с реализацией уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Автором предложены первоначальные пути разрешения затронутых в статье проблем.

Ключевые слова: контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, субъективная сторона состава преступления, мотив, цель.

KURUSHIN Nikita Mihaylovich,
graduate student «Criminal law and procedure»
of Financial University under the Government
of the Russian Federation
Russian Federation, Moscow
e-mail: nkurushin@gmail.com
phone number: (+7) 916-051-41-51

ON SOME ISSUES OF SUBJECTIVE SIDE OF SMUGGLING CASH AND (OR) CASH INSTRUMENTS (ARTICLE 200.1 CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION) ABSTRACT

Summary. Momentous and at the same time complicated area of governmental policy is the sphere of fight against criminality. The successful achievement of positive results in the fight against criminality depends on correctly chosen direction of criminal policy. Domestic criminal policy of any state aimed at minimization of criminality and its reduction to a such level that the consequences of its absolute negative influence as little as possible affect the functioning of society on the whole.

The events occurring on the international arena at the present time dramatically reflect the real troubles of terrorism that exists due to the financial resources incoming to the hands of organizers of the various extremist communities. For the sake of financing their terroristic activities criminals choose different ways to transfer money means across borders, including by means of smuggling cash and cash instruments. Controlling cash flows passing via the state border of Russian Federation is an important part of its criminal policy. Considering the fact that criminal law provision 200.1 of Criminal code of Russian Federation, the subjective part of which is investigated by author in this article, on the theory introduced by legislator to simplify the qualification of crimes connected with illegal movement of cash and cash instruments across the state border of Russian Federation, it should be focused on the efficiency of this provision, two years after its introduction, and try to detect the causes of the lack of effectiveness.

In the article the author reveals the basic elements of the subjective side of smuggling cash and (or) cash instruments with considering particularities of criminal sciences. The author pays heed to the absence of some important for a specific criminal offense optional features of the subjective side in the disposition of the Article 200.1, believing that legislator incorrectly estimates the nature and degree of public danger of considering crime. In general, this article shows the presence of specific problematic issues related to the implementation of criminal law provision envisaging the criminal liability for smuggling of cash and (or) cash instruments. The author offers original solutions of the issues raised in the article.

Keywords: smuggling cash and (or) cash instruments, subjective side of corpus delicti, motive of crime, target of crime.

Приступая к изучению какой-либо области регулируемых правом явлений, мы ставим перед собой определенную цель. Такая цель заключается в достижении более плодотворных результатов. Учитывая результаты практического применения той или иной существующей в настоящее время теоретической парадигмы, а также значимость изучаемых правоотношений, мы, отталкиваясь от изученного, ставим перед собой задачу перехода к обрисовке того, что было бы желательным.

Выбор в пользу определенного вектора развития уголовного правотворчества и уголовного правоприменения необходимо основывать на результатах проведенного анализа данных юридической статистики, так как именно на фундаменте этих данных можно построить выводы о результатах практического применения теоретической части уголовно-правовой науки. Значимость изучения субъективной стороны состава преступления как отдельного явления уголовно-правовой теории определяется тем, что субъективная сторона пре-

ступления является составной частью основания уголовной ответственности, а также входит в юридическое основание квалификации преступления.

С учетом вышеизложенного надлежит отметить, что для совершенствования механизмов успешной реализации уголовной политики в области контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов полагается изучение теоретического уголовно-правового материала в отношении данного типа преступления, касающегося его субъективной стороны, и выполнение анализа данных юридической статистики, отражающих количественные и качественные признаки этого преступления.

Статья 200.1 УК РФ, криминализованная ФЗ от 28 июня 2013 г. №-143, предусматривает уголовную ответственность за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Контрабанда – нарушающий таможенное законодательство тайный провоз товаров и других предметов через границу [2]. Таким образом, рассматриваемая нами статья предусматривает уголовную ответственность за нарушение норм таможенного права, а именно за незаконное перемещение наличных денежных средств и денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС. Следует отметить, что ранее существовала ст. 188 УК РФ, диспозиция которой предусматривала уголовную ответственность за контрабанду в целом. Рассматривая ст. 188 УК РФ, декриминализованную в 2011 г. по причине признания ее элементов не соответствующими Конституции РФ, и пришедшие постепенно ей на замену другие четыре статьи (ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ), на наш взгляд, можем говорить о том, что законодатель пошел на такие меры, чтобы уточнить некоторые элементы контрабанды как явления в целом. Наличные денежные средства и денежные инструменты, незаконно перевозимые через таможенную границу, в частности, являются имуществом, добытым преступным путем. Безусловно, при помощи перемещения через таможенную границу денежной массы происходит и спонсирование терроризма.

При характеристике субъективной стороны преступления следует понимать, что ее признаки недоступны для непосредственного восприятия и их невозможно наблюдать. Данное обстоятельство вызывает большую сложность при доказывании вины преступника в совершении того или иного деяния, а также может граничить с ошибочным применением уголовно-правовой нормы в отношении обвиняемого лица. Несмотря на то что в первую очередь доказыванию в уголовном процессе, согласно ст. 73 УПК РФ, подлежит событие преступления, а именно время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, то есть все признаки объективной стороны конкретного преступления, невиновное причинение вреда не является уголовно-наказуемым [4, ч. 2 ст. 5]. Таким образом, даже совершение преступного деяния и причинение общественно опасных последствий не могут являться основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, если в отношении таких действий не установлена его вина [4, ч. 1 ст. 5]. Умозаключение о наличии признаков субъективной стороны преступления в действиях обвиняемого должно строиться на основании тщательного анализа и справедливой оценки объективных признаков преступления.

Субъективная сторона состава преступления представляет собой внутреннюю невидимую сторону, которая выражается в психической деятельности лица, совершающего преступное деяние. Уголовная доктрина делит признаки субъективной стороны на обязательные и факультативные. Обязательный признак – вина – должен присутствовать в действиях лица при совершении любого преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Мотив и цель, являющиеся факультативными признаками, оказывают влияние на квалификацию только некоторых преступлений. Стоит подчеркнуть, что мотивация является ключевым элементом в любом преступном поведении человека, независимо от степени тяжести совершаемого преступного деяния.

В современном уголовном праве нашей страны вина существует либо в форме

умысла, либо в форме неосторожности. Среди ученых-юристов закрепилось мнение о возможности совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов только с прямым умыслом. Так, например, считает А.И. Парог, говоря о том, что субъективная сторона контрабанды характеризуется виной в виде прямого умысла [1]. Из данного суждения следует, что лицо может быть признано виновным в совершении контрабанды наличных денежных средств или денежных инструментов только в том случае, если будет доказано наличие осознания этим лицом общественной опасности своих действий и желания наступления общественно опасных последствий. Закрепляя основополагающим признаком субъективной стороны контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов наличие прямого умысла на совершение данного преступления, законодатель ограждает человека от уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда охраняемым уголовным законом таможенным отношениям. Таким образом, например, с учетом определенной сложности таможенных правил и отсутствия возможности для их тщательного изучения, совершения действий, входящих в объективную сторону рассматриваемого нами преступления, может квалифицироваться со ссылкой на ч. 2 ст. 14 УК РФ. В таком случае деяние будет рассматриваться как не представляющее общественной опасности и, следовательно, не будет уголовно-наказуемо.

Согласно ч. 1 ст. 25 УК РФ, «преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом». Учитывая практику применения уголовно-правовых норм в ряде зарубежных стран, такое деление вполне целесообразно. Так, например, современное германское уголовное право разделяет прямой и косвенный умысел. Неосторожность как форма вины упоминается в действующем Уголовном кодексе Германии, однако кодекс не раскрывает содержание этого понятия. В уголовном законодательстве многих зарубежных стран формально не закреплены определе-

ния вины и ее форм. Так, например, в Разделе II «De la responsabilité pénale» в Главе I «Dispositions générales» Уголовного кодекса Франции мы не найдем формально закрепленного определения вины или ее форм, однако, анализируя диспозицию ст. 121-3, которая начинается словами «Il n'y a point de crime ou de délit sans intention de le commettre», что дословно означает «нет преступления без намерения его совершить», мы можем прийти к выводу, что французский законодатель закрепляет тот факт, что преступления совершаться могут только умышленно, а различного рода проступки – и умышленно, и неосторожно. Абстрагируясь от упоминания французским законодателем слова «проступок», вызывающего определенное непонимание, сделаем вывод о том, что основные две формы вины подразумеваются во французском уголовном праве, однако формально не закрепляются, а преступление может быть совершено только умышленно. Стоит отметить, что французская уголовно-правовая доктрина разделяет умысел на прямой и косвенный. Согласно Уголовному кодексу Швеции, деяние признается преступлением, только если совершено умышленно [5], а уголовно-правовая доктрина Швеции разделяет прямой и косвенный умысел.

Таким образом, действия российского законодателя по закреплению прямого умысла как обязательного признака состава преступления по ст. 200.1 УК РФ являются обоснованными и закономерными.

Однако отсутствие как конструктивного признака в составе преступления контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов таких факкультативных признаков субъективной стороны, как мотив и цель, порождает много вопросов. Во-первых, введение отдельной уголовно-правовой нормы, регулирующей отношения по контрабанде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, связано с борьбой против финансовых операций, проводимых незаконно. Данный факт подтверждается пояснительной запиской к Закону от 28 июня 2013 г. № 143-ФЗ, которым была криминализована ст. 200.1 УК РФ. Во-вторых, вполне

очевидно, что выделение контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в отдельную уголовно-правовую норму связано с желанием законодателя упростить квалификацию преступных действий, связанных с осуществлением такой контрабанды. Совершаемые лицом действия по поводу незаконного перемещения через границу Таможенного союза денег и денежных инструментов, особенно в особо крупном размере, напрямую связаны с легализацией (отмыванием) преступных доходов и финансированием терроризма. Международная организованная преступность всегда ищет возможные выходы для свободного передвижения денежной массы между ее структурами, расположившимися в разных точках мира.

Итак, следует отметить, что в большинстве случаев контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов осуществляется с полным осознанием лицом своих действий. Лицо, совершающее такую контрабанду, обладает внутренними побуждениями, которые толкают его на совершение данного преступления. Такие внутренние побуждения принято называть мотивом. Личная заинтересованность, безусловно, присутствует в совершении объективной стороны контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Она проявляется и у лица, которое непосредственно является собственником незаконно перемещаемой денежной массы, и нацелена на дальнейшую свободу в легализации этой массы; и у лица, которое выполняет поручение по незаконному перемещению денежной массы через границу, а его личная заинтересованность может быть нацелена на получение материального вознаграждения или на получение определенного поощрения в криминальном сообществе. О значимости мотива преступления как одного из основных элементов доказывания в производстве по уголовному делу независимо от совершенного преступления говорит и Верховный Суд Российской Федерации. Так, в ч. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» подчеркивается необходимость установления мотива

преступления наряду с другими обстоятельствами его совершения [3].

Цель как элемент субъективной стороны состава преступления рассматривается в качестве определенного представления о результате, которого желает преступник и на достижение которого направлен его умысел. Цель указывается в некоторых диспозициях статей УК РФ. Это делается, в первую очередь, для того, чтобы связать квалификацию деяния с наличием определенной цели, отличной от простого желания лица выполнить объективную сторону преступления. Таким образом, контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов совершается в большинстве случаев не для того, чтобы просто незаконно переместить денежную массу через границу определенного государства, а с целью эту денежную массу «отмыть» за границей на территории другого государства, а не на территории того государства, где она была добыта, очевидно, преступным путем.

По общему правилу сумма денежных средств, единовременно перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС, допускаемая к такому перемещению без письменного декларирования, не должна превышать в эквиваленте 10 000 долларов США. Согласно ч. 1 ст. 3 Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза (Астана, 5 июля 2010 г.; далее – Договор), если лицо собирается осуществить единовременное перемещение денежных средств на общую сумму больше 10 000 долларов США, оно обязано подавать пассажирскую таможенную декларацию. Статья 6 Договора устанавливает перечень сведений, которые должны быть указаны в пассажирской таможенной декларации. Таким образом, в пассажирской таможенной декларации лицо, совершающее перемещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза, должно указывать сведения об источнике этих наличных денежных средств и денежных инструментов, сведения об их владельцах

и о предполагаемом использовании. Вполне очевидно, что отказ от указания таких простых сведений может быть связан лишь с невозможностью такого указания, например, в отношении наличных денежных средств, владельца которых установить не представляется возможным, или с нежеланием указания таких сведений, мотивированного тем обстоятельством, что эти наличные денежные средства и (или) денежные инструменты были добыты преступным путем и раскрытие источника их получения может привести к уголовно-правовым последствиям для определенных лиц или целых организаций.

В качестве меры уголовно-правового воздействия на преступника, совершающего контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, может применяться конфискация имущества, являющегося предметом контрабанды, то есть конфискация наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и обращение их в собственность государства. Однако практика применения ст. 104.1 УК РФ, предусматривающей такую конфискацию в отношении преступников, совершающих незаконное перемещение денежных средств или денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза, показывает, что, например, в 2015 г. суды применяли эту норму лишь в 22% случаев. Так, согласно данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2015 г. из 18 осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, только к четырем осужденным была применена конфискация денежных средств, являющихся предметом контрабанды. В 2014 г. за совершение контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов было осуждено 76 человек, а конфискация предметов преступления была применена только к трем лицам. Такое несистематичное применение нормы ст. 104.1 УК РФ связано в первую очередь с тем, что денежные инструменты или денежные средства подлежат возврату их законному владельцу [4, ст. 104.1]. Ключевым фактором является то, что из диспозиций ст. 200.1 и 104.1 УК РФ не ясно, кого можно на-

зывать законным владельцем незаконно перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза денежных средств или денежных инструментов и каким образом этот законный владелец должен устанавливаться. Если в отношении некоторых денежных инструментов не возникает вопросов об установлении их собственника, то в отношении наличных денежных средств установление их законного владельца вызывает определенные трудности. Таким образом, конфискуя наличные денежные средства, являющиеся предметом преступления по ст. 200.1 УК РФ, суд предоставляет возможность для подачи апелляционных жалоб на основании нарушения прав законного владельца этих денежных средств, а отказываясь от конфискации, суд предоставляет возможность для перехода наличных денежных средств глубже в теневую экономику.

Учитывая вышеизложенное, автор считает, что, не устанавливая в качестве обязательных признаков мотив и цель совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, а также не закрепляя законодательно понятие законного владельца наличных денежных средств, законодатель недооценивает характер общественной опасности контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Уголовной ответственности, согласно нашему Уголовному кодексу, подлежат только физические лица [4, ст. 19]. Физическое лицо должно быть вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности. Субъектом контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Уголовный кодекс не предусматривает уголовной ответственности юридических лиц, таким образом, юридическое лицо нести уголовную ответственность за совершение контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов не может. Однако вполне очевидно, что денежные средства и денежные инструменты, незаконно перемещаемые через границу Таможенного союза, могут принадлежать юридическому лицу. Уголов-

ную ответственность за незаконное перемещение наличных денежных средств или денежных инструментов несет непосредственный исполнитель и соучастники в совершении этого преступления.

Таким образом, принимая во внимание характер и степень общественной опасности контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, автор считает, что в диспозицию ст. 200.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака необходимо включить цель совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Автор предлагает изложить ч. 2 ст. 200.1 УК РФ следующим образом:

«2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

- а) в особо крупном размере;
- б) группой лиц;

в) с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению наличным денежным средствам и денежными инструментам на территории другого государства».

Для более успешной реализации уголовно-правового предписания, предлагаемого автором для внедрения в диспозицию ст. 200.1 УК РФ, необходимо также законодательное закрепление понятия «законный владелец наличных денежных средств». Однако для разработки содержания такого понятия требуется проведение отдельного научного исследования, особенно с учетом того, что не существует документов, подтверждающих право собственности на наличные денежные средства.

Список литературы

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С.А. Боженок, Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова (и др.); отв. ред. А.И. Ра-

рог. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. – 526 с.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковик, 1999. – 944 с.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 (ред. от 16.04.2013) «О судебном приговоре».

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015; с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[5] The Swedish Penal Code (1962:700), § 2 // <http://www.government.se/government-of-sweden/ministry-of-justice/>

Spisok literatury

[1] Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / S.A. Bozhenok, Yu.V. Gracheva, L.D. Ermakova (i dr.); отв. red. A.I. Rarog. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. – 526 с.

[2] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy'razhenij. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova. 4-е изд., dopolnennoe. M.: Azbukovik, 1999. – 944 s.

[3] Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 29.04.1996 № 1 (red. ot 16.04.2013) «O sudebnom prigovore».

[4] Uголовny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 13.07.2015, s izm. ot 16.07.2015; s izm. i dop., vstup. v silu s 25.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996. № 25. St. 2954.

[5] The Swedish Penal Code (1962:700), § 2 // <http://www.government.se/government-of-sweden/ministry-of-justice/>

